

Она знала лучше, чем кто-либо другой, как опасно было проникать на территорию источника Цзею. Если бы у нее был выбор, она бы не стала рисковать своей жизнью, но она была обязана отплатить Е Цинти за его доброту. В течение стольких лет она не могла расплатиться с ним; она постоянно несла это бремя на своих плечах и часто чувствовала свою вину. К тому же она упала в долину Фаньинь и получила чудесную возможность спасти его. Упускать такой шанс не хотелось. Дело не в том, что она не рассматривала более безопасные способы получения плода Саха, и не в том, что она не пыталась. Но иногда было трудно предсказать пути Небес. Возможно, из-за того, что Е Цинти пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти ее в прошлом, Небеса не считали справедливым, что она так легко ответит на его милость. В обмен на справедливость должна быть поставлена под угрозу жизнь человека. Подумав так, она не стала утруждать себя дальнейшими размышлениями. Фэн Цзю посмотрела на небо. Если она хотела украсть плод Саха, то нужно было попытаться сегодня вечером.

Когда Янь Чиу увидел, что она прошла мимо него в арочный дверной проем, он спросил: «Ты не собираешься выпить со мной в Цзуйлисяне?» Она нерешительно отложила это на другой день, но про себя подумала, что сегодня все будет зависеть от ее удачи. Если ей не повезет, она не знает, когда наступит «этот другой день». Сяо Янь разочарованно вздохнул и в несколько шагов достиг выхода со двора. Когда он собрался уходить, она попросила его остановиться. Обрадованный, Сяо Янь повернулся со словами: «Я знал, что ты хороший друг и захочешь сопровождать меня». Фэн Цзю осмотрела Сяо Яня с головы до ног и ответила: «В другой раз. Я просто почувствовала, что, поскольку мы были друзьями в течение некоторого времени, я хотела получше рассмотреть тебя». Сяо Янь смущенно почесал голову.

- Похоже, у тебя есть какое-то важное дело, тогда ладно. Кстати, я слышал, что в Цзуйлисянь недавно взяли нового повара. Может, мне принести тебе какие-нибудь фирменные блюда?

Она кивнула.

- Хорошо, но в последнее время я предпочитаю пресную пищу. Скажи им, чтобы не делали блюдо слишком острым.

Была безлунная ночь, и всего лишь несколько звезд украшали небо. Секретный туннель, созданный Сяо Янем полмесяца назад, все еще можно было использовать. Заблудившись в прошлый раз, в этот раз она знала куда идти, поэтому осторожно направилась по тропинке прямо к источнику Цзею. Фэн Цзю вздохнула про себя, действительно, все в жизни было связанным между собой, всё подчинялось законам кармы. Такова была «судьба», о которой говорили буддисты.

Источник Цзею искрился кристально чистым голубым потоком. Дерево Саха, стоявшее на берегу, напоминало скопление вздымающихся облаков. В середине этого облака висел сверкающий красный плод. Четыре столба спокойно стояли вокруг него; было неясно, когда четыре питона выберутся из-под камня. Дун Хуа однажды спросил, не боится ли она выходить ночью, потому что в детстве попала в змеиное гнездо. Да, она боялась ночи, и из всех животных и зверей она особенно боялась змей. Но сейчас, стоя здесь, она не чувствовала того же страха. Страх возникает, когда у людей есть что-то, о чем они переживают. Однако по дороге сюда она уже обдумала наихудший вариант развития событий. Все остальное теперь было для нее лишь эфемерным облаком.

Это место находилось примерно в ста метрах от дерева Саха. Для нее было невозможно победить питонов на расстоянии ста метров, а затем забрать плод Саха. Ее дядюшка, принц Е Хуа, как-то отправился в Инчжоу в Восточном море, чтобы добыть волшебную траву. Несмотря на его замечательную культивацию, он потерял руку, сражаясь с охраняющими животными. У

нее не было возможности пройти этот прямой маршрут.

Она планировала потратить накопленную за 30 тысяч лет волшебную энергию на защитный барьер. Пусть питоны атакуют все, что они хотят, она будет целеустремленно продвигаться вперед к дереву Саха. После того, как она сорвет плод, ей придется сразиться с питонами. Важным моментом была скорость. Если она будет действовать быстро, барьер с ее волшебной энергией даст ей достаточно времени, чтобы добыть плод Саха. Хотя она истратит всю свою энергию, она всегда может ее восполнить. Это не имело большого значения. Но если она замешкается, щит не сможет продержаться достаточно долго, чтобы она смогла сбежать. Трудно было сказать, каковы тогда будут последствия.

К тому же Дун Хуа сказал, что его клетка Тяньцан все еще была с ней. Раз магический предмет, которым мог управлять только его хозяин, находился на ее теле, он должен был автоматически защищать ее в опасные моменты. Какой бы ужасной ни была ситуация, она не потеряет свою жизнь. А если так, то и волноваться не о чем.

В ночи раздавались завывания ветра. Фэн Цзю сложила пальцы в магическом жесте и произнесла заклинание, чтобы создать защитный барьер вокруг своего тела. Она вдруг задалась вопросом, что произойдет, если она каким-то образом получит плод Саха, но Цзи Хэн расстроится, и Дун Хуа заставит ее вернуть его. В любом случае она никогда не вернет его, даже если ей придется разорвать всякие отношения с Дун Хуа. И все же Фэн Цзю почувствовала слабость при этой мысли. Было бы неплохо, если Дун Хуа был хоть немного так же добр к ней, как к Цзи Хэн. Она не просила о многом, лишь самую малость. Как было бы хорошо, если бы все, что ей нужно было сделать, это убедить Дун Хуа. Но если этого не случилось 300 лет назад, 300 лет спустя это все еще было фантазией. Фэн Цзю не могла не печалиться, ведь эти мечты были напрасны.

Она глубоко вздохнула и посмотрела на тихое ночное небо, полное опасностей. Затем закрыла глаза и перенесла всю свою волшебную энергию в защитный барьер. Ее духовные силы были на исходе, поэтому она постепенно становилась полупрозрачной. Ее лицо побледнело, когда защитный барьер из красного превратился в ослепительно золотой.

Эта золотая вспышка света выстрелила в сторону источника Цзею. Земля мгновенно затряслась, пошатнулись основания гор, ветер взвыл демоническими криками. Из каменных колонн выпрыгнули четыре питона. Их рты широко раскрылись, когда они выдохнули ядовитый дым. Длинные острые клыки вонзились в золотистый свет. Вспышка света отразила атаки огромных змеев и продолжила лететь вперед к источнику Цзею. Глаза четырех питонов гневно сверкнули. Подняв головы к небу, они зашипели; огонь и молнии вырывались из их кроваво-красных пасть. Змеи, извиваясь волнами, устремились к золотому свету. Скорость золотого луча постепенно замедлялась, но он все еще уклонялся, все еще мчался к дереву Саха. Добравшись до дерева, он мгновенно спрятался в густой кроне. Опасаясь, что они могут повредить священное дерево, питоны перестали нападать столь агрессивно. Сейчас они могли только оставаться поблизости, яростно молотя хвостами по ручью и вспенивая воду. Губы Фэн Цзю были бледны; она вытерла холодный пот с виска и дрожащей рукой сорвала плод с дерева. Разъяренные питоны напали на вора. Она поспешила прижаться к дереву, чтобы избежать их клыков. Ее волшебный барьер начал трескаться под их натиском. Они были более угрожающими, чем она себе представляла. Будет трудно, когда она повернет обратно. Хотя огонь и молнии из пасти питонов били только по щиту, ее тело не могло избежать повреждений. Ран не было, но кости и сухожилия болели во всем теле. Фэн Цзю никогда не думала, что такая боль существует.

Теперь, когда она получила плод Саха, питоны зашипели еще сильнее. Они атаковали во много

раз яростнее, когда она повернула назад. Черные тучи заволокли небо, гром и молнии обрушились на ее защитный барьер. Тело Фэн Цзю пронзила вспышка острой боли, когда она почувствовала, как барьер треснул вокруг нее. Ее тело болело так, словно его резали клинки; ноги потяжелели. Барьер сменил цвет с золотого на красный, а затем постепенно побледнел, став серебристым. Еще десять шагов, и она покинет землю, охраняемую питонами. Внезапно она услышала громкий взрыв - магический щит разлетелся на куски. Фэн Цзю испуганно подняла голову. Над ее головой завис огромный змей с горящими красными глазами, похожими на два пылающих огненных шара. Острые ядовитые клыки ринулись к ней, и Фэн Цзю инстинктивно увернулась. Клыки лишь задели ее рукав, но силой ветра ее отбросило на десять метров назад. Издалека еще один большой огненный шар вылетел из пасти питона, направляясь в ее сторону. Все ее 30 000 лет культивирования были полностью истощены; то, что она оставила, не поможет противостоять нападению. В эту секунду Фэн Цзю поняла, что это конец. Ее сердце нырнуло в снежную бездну. Она закрыла глаза в ожидании, когда, всего в метре от нее, огненный шар внезапно отрикошетил назад. Это была клетка Тяньцан. В самый последний момент она действительно вновь защитила ее.

Она попыталась встать. В нескольких метрах перед ней снова возник питон. Фэн Цзю взяла волшебный плод и сделала несколько шагов вперед, затем мгновенно отступила. Клетка Тяньцан не могла следовать за ней достаточно быстро. Получается, магия клетки была схожа с магическим барьером, но она не могла двигаться вместе с тем, кого должна защитить. Земля вокруг источника Цзею яростно затряслась. Еще немного, и здесь соберутся люди. Она думала о последствиях, если плод Саха будет потерян. Скорее всего, Дун Хуа, Цзи Хэн и Мэн Шао догадаются, что это ее рук дело, но они ничего не смогут сделать без доказательств. Но если сейчас она продолжит оставаться в клетке Тяньцан, чтобы сохранить свою жизнь, ее смогут увидеть все. Если это случится, войны между Бийняо и Цинцю будет трудно избежать.

Она должна покинуть эту заколдованную зону любой ценой. Оставалось надеяться, что ей удастся совершить небывалый марш-бросок. Она должна оставаться бесстрашной. Ей нужны только ее глаза, чтобы видеть и ее ум, чтобы суметь избежать опасности. Тогда, если она использует последние остатки своей энергии, она сможет сбежать, подбодрила себя Фэн Цзю. Липкий пот слепил глаза, во рту пересохло, но она спокойно наблюдала за движениями четырех питонов. После непрерывных яростных атак на мраморную клетку Тяньцан питоны тоже устали, и им требовалась лишняя секунда, чтобы вздохнуть. Фэн Цзю воспользовалась этой возможностью, чтобы резко выскочить из клетки. Как вспышка, она бросилась к границе запретных земель. Оставалось всего несколько шагов, и она преодолет последний опасный рубеж. Ее ноги внезапно подкосились. Громовое шипение питонов прогремело над ее головой. Последнее, что она увидела, было бушующее пламя, которое затем странным образом погасло в горящих красных глазах питона. Эти кроваво-красные глаза внезапно наполнились слезами. Никогда прежде не видевшая слез питона, она некоторое время ошеломленно наблюдала за ним.

«Ваше Высочество Аранья», - раздался в пустоте чрезвычайно низкий и холодный голос. Она ясно слышала, что звуки исходили из глотки питона. Фэн Цзю не очень внимательно слушала рассказ об Аранье, и никогда не задумывалась над ним. Услышав этот голос, холод начал овладевать ее телом. Боль начала распространяться по всему телу, сначала тянущая, потом разрывающая. С того момента, как она ступила на территорию питонов, боль ни разу не отпустила ее. Но она терпела, не произнося ни слова. Наконец, она больше не могла выносить эту агонию и испустила крик. Ее сознание постепенно уступило место мучительному приступу боли.

Управляющего дворца Тайчэнь, Чжунлиня, в последнее время беспокоила одна вещь, отягощающая его ум. Владыка Дун Хуа вел себя странно с тех пор, как вернулся из долины Фаньинь. Конечно, Дицзюнь всегда был эксцентричным человеком. Даже Чжунлинь не мог полностью понять Владыку, несмотря на то, что был рядом с ним в течение стольких лет. Но на этот раз он вел себя совершенно иначе. Например, Владыка мог полдня с отрешенным лицом держать в руке книгу, не переворачивая страницы. Или забывал вскипятить воду и заваривал чай холодной. Бывало так, что он держал в руке палочки для еды, совершенно не разбирая, что ест. А один раз Владыка даже спросил его, как лучше всего избавиться от кого-то, чтобы никто не заметил его отсутствия. Чжунлинь был принципиальным небожителем всю свою жизнь, конечно, он не мог дать хороший совет по этому поводу. Дицзюнь, казалось, был разочарован. Создавалось ощущение, что разум Владыки в эти дни плутал где-то еще.

Господин Ляньсун пришел искать Дицзюня на следующий день после его возвращения. Третий принц часто посещал дворец Тайчэнь, так что его визит никого не удивил. Но принц Ляньсун, с неизменно беззаботным выражением на лице, сегодня принял торжественный вид. Прошло много времени с тех пор, как Чжунлинь видел его таким. Последний раз, возможно, это было более четырехсот лет назад, когда Чэньюй Юаньцзюнь вознеслась на Небеса. Лисьего духа, которого спас Дицзюнь, принесли двое молодых слуг из дома целителя. Под чудесным руководством доктора его состояние значительно улучшилось, и теперь он с восхищением смотрел на своего спасителя. Это был лис, который только недавно смог принять человеческий облик.

На самом деле Дицзюня не назовешь милосердным человеком, который с готовностью спасает других. Поэтому Чжунлинь недоумевал, почему на этот раз он поступил иначе. Но, глядя на его рыжий мех, он вдруг вспомнил игривую лисичку, которая жила здесь триста лет назад. Скорее всего, это был акт доброты, вызванный мыслями о прошлом. Хотя та лисичка не могла менять форму, и ее мех был вполне обычным, ее волшебная энергия была намного сильнее, чем у всех тех, кто мог менять форму. Дицзюнь особенно обожал ее. Он мог сказать, что на протяжении многих лет Дицзюнь любил эту лису больше, чем любую другую. Но она почему-то потерялась. Ее связь с Дицзюнем, вероятно, была слишком слабой.

Чжунлинь рассеянно посмотрел вдаль и вздохнул. Он было направился в главный зал доделывать свои дела, когда внезапно обнаружил Ляньсуна, который ушел, но теперь вернулся и встал перед ним. Ляньсун поднял веер и спросил: «Дун Хуа в саду, в главном зале или в своей спальне? Я слишком ленив, чтобы выбрать неправильный маршрут».

Чжунлинь всегда точно знал, где находится Дицзюнь. Ляньсун направился прямо в спальню Дун Хуа, ни один из его шагов не пропал даром. В это время Дун Хуа устроил партию в шахматы, но на доске не было ни одной фигуры. Он уже некоторое время держал в руке камень, не опуская его. При ближайшем рассмотрении он, казалось, и не думал об игре, а его разум опять блуждал где-то. За настенным экраном находилось небольшое уютное лежбище, устроенное специально для нового питомца. Рыжий лис робко высунул голову, его стеклянные темные глаза смущенно смотрели на Дицзюня.

Ляньсун пришел не просто так; он направился прямо к Дун Хуа. Владыка очнулся от оцепенения и жестом пригласил его сесть. Третий принц подошел к самому удобному на вид креслу и перешел к делу: «Плод Саха клана Бийняо в этом году может вернуть плоть и кости мертвого смертного, ты слышал об этом?»

Дун Хуа положил на доску черный камень, затем взял белый и рассеянно ответил: «Слышал, и что?»

Ляньсун нахмурился.

- Я слышал, что Фэн Цзю однажды вышла замуж за смертного, чтобы вернуть какой-то долг. После его смерти она вернулась в Цинцю. Хотя Сымин сказал, что между ними ничего не было, это звучит как-то странно, если вспомнить о свойстве плода Саха. Поэтому сегодня утром я позвал Сымина во дворец Юаньцзи, чтобы выпить. Сымин не мастак сопротивляться действию ликера. Выпив всего несколько бутылок, он рассказал мне даже то, о чем я не спрашивал. Это имеет отношение к тебе».

Белый камень упал на доску. «Это нормально, что дела Сяо Бай связаны со мной», - сказал Дун Хуа. Затем жестом показал Ляньсуну, чтобы тот продолжал.

Ляньсун поколебался, прежде чем продолжить.

- По словам Сымина, Фэн Цзю обменяла свой мех у Черного демонического лорда Не Чуиня на возможность помочь тебе. Завладев ее мехом, он оставил ей обычную красную шерстку.

Он изучал Дун Хуа какое-то время, прежде чем сказать: «Это произошло ровно 305 лет назад».

Дун Хуа, казалось, был удивлен. Рука, державшая камень над шахматной доской, застыла на месте.

- Ты хочешь сказать, что лисичка, которую я потерял, это Сяо Бай?

Ляньсун налил еще чаю, сделал глоток и продолжил: «Я слышал, ты однажды спас ей жизнь, когда она была маленькой. После этого она не могла забыть тебя. Более семисот лет назад, когда дворец Тайчэнь искал работников, она попросила Сымина привести ее в твой дворец в качестве служанки. Но по какой-то причине ты никогда не обращал на нее внимания. Позже, когда она услышала, что ты был заключен в Сферу Нечистого Лотоса, она пошла, чтобы спасти тебя и, превратившись в лисичку, осталась рядом с тобой, вероятно, надеясь, что сможет тронуть твоё сердце. Но потом ты собрался жениться на Цзи Хэн...»

В этот момент он взглянул на Дун Хуа, который, судя по всему, переживал эмоциональные потрясения, и нерешительно продолжил: «Правда ли, что перед вашей свадьбой она ранила Цзи Хэн, и ты приказал Чжунлиню запереть ее, а затем долгое время пренебрегал ею?»

Увидев, что Дун Хуа хмуро кивнул, он продолжил: «Говорили, что Чжунлинь сжалился над ней и выпустил. После она попала в лапы снежного льва Цзи Хэн и чуть не лишилась жизни. К счастью, ее спас Сымин. Когда Сымин был пьян, он сетовал, что она была тяжело ранена в то время. Ей потребовалось три дня постельного режима в его поместье, чтобы очнуться. Но тебе было все равно, ты не пошел искать ее, поэтому она была убита горем и вернулась в Цинцю». Сокрушённо вздохнув, третий принц подвёл итог: «Неудивительно, что ты обыскал все уголки от неба до Земли, но так и не нашел ее. Мне тоже показалось странным, что она бесследно исчезла». Затем он добавил: «Поразмышляв над услышанным, я предположил, что ты ничего об этом не знал. Ваши отношения, кажется, идут хорошо в эти дни, но Фэн Цзю наверняка помнит обо всех этих недоразумениях».

Дицзюнь, который редко проявлял эмоции, теперь с опаской потирал висок. Ляньсун удивленно посмотрел на него и спросил: «Что случилось?»

Голос Дун Хуа звучал не так, как обычно: «Ты прав. Должно быть, она все еще ненавидит меня. Я думаю, что делать дальше».

- Ах, я также слышал пару вещей о турнире Академии Бийняо, который состоялся вчера. Призом за первое место должен был стать фрукт Саха, но ты в последний момент поменял его на корзину персиков. Когда объявили приз, Фэн Цзю выглядела не слишком хорошо.

Он взглянул на маленькую лисичку, высунувшую голову из-за настенного экрана, и сказал: «Я пока позабочусь об этой маленькой лисичке. Ты должен пойти к ней, я боюсь, что-то пойдет не так».

Рука, которая терла висок, остановилась, когда Дун Хуа озадаченно посмотрел вверх: «Сяо Бай выглядела нездоровой?»

Ляньсун неопределенно махнул рукой: «Я тоже не совсем уверен». Затем он снова улыбнулся и посмотрел на Дун Хуа.

- Я обычно легко угадываю, что на уме у женщины, но твою Сяо Бай, честно говоря, трудно разгадать. Просто она показалась очень расстроенной, поэтому я хочу, чтобы ты сходил и проверил, возможно...

Он еще не закончил, когда снаружи послышался шум. Они только успели подняться на ноги, когда дверь спальни с грохотом распахнулась. Янь Чиу стоял у входа, обезумев от ярости.

- Как это подло! Фэн Цзю поймана в ловушку внутри змеиной формации. Ее жизнь на кону, а вы двое сидите здесь, играя в шахматы и наблюдая за лисами?

Принц Ляньсун на мгновение не понял, что происходит, и замер от шока, вызванного руганью. Дун Хуа сориентировался быстрее, но он проигнорировал осуждение Янь Чиу, нахмурился и тихо спросил: «Что случилось с Сяо Бай?»

- Ты смеешь спрашивать меня, что случилось с Сяо Бай? Несмотря на то, что мне нравится Цзи Хэн, мне все равно пришлось не по душе, когда ты дал ей то, что изначально принадлежало Фэн Цзю. Поскольку ты отдал плод Саха Цзи Хэн, у нее не было другого выбора, кроме как пробраться к источнику Цзею и украсть его до того, как он будет сорван. Как может ее 30-тысячелетняя магия противостоять четырем питонам, защищающим плод? Теперь она в ловушке внутри змеиной формации, и ее жизнь на кону. Я, Мэн Шао и даже Ее Величество королева не знаем, что делать...

В середине его речи порыв ветра внезапно пронесся мимо него. Он повернулся, чтобы спросить Ляньсуна: «Куда делся Ледышка?»

Ляньсун закрыл веер, его лицо было мрачным.

- Отправился ее спасать.

Затем он добавил: «Я знал, что что-то должно было случиться».

Окрестности источника Цзею лежали в руинах. Четыре столба рухнули. От прозрачного голубого потока не осталось и следа. Единственное, что осталось невредимым в непосредственной близости от колонн, было дерево Саха. Солнце уже поднялось высоко, но внутри силового поля все еще царилась крошечная тьма. Четыре питона стояли на страже в четырех углах, их огромные глаза были красными, как горящие фонари. Они охраняли силовое поле, затянутое густым синим дымом. В нем с закрытыми глазами парила в воздухе девушка в белом одеянии. Ее длинные черные волосы струились вниз, как чернильный шелк. Было неясно, без сознания она или крепко спит.

За пределами разрушенных колонн свирепствовал шторм. Дун Хуа остался в воздухе, сосредоточенно глядя на Фэн Цзю, оказавшейся в ловушке внутри силового поля. Несмотря на бледность ее лица, грудь все еще вздымалась. Какое счастье. Он вздохнул с облегчением, но выражение его лица не изменилось. На самом деле он знал, что она очень красива, но из-за того, что она была такой оживленной, внимание людей часто привлекал ее характер. В это время, когда она лежала неподвижно внутри силового поля, ее изящные черты были более заметны. Наряд белого цвета, однако, ей не подходил. Ей больше шел чарующий ярко-красный цвет Саха-Манджушаки. За долгие годы своей жизни он повидал немало красивых женщин. Фэн Цзю не обязательно была самой красивой, но судьба была забавной в этом смысле. Все красавицы, какими бы соблазнительными они ни были, никогда не могли произвести на него впечатления. Только о ней - будь то улыбка, или хмурый взгляд, или смущение, даже когда она корчила ему рожу - он помнил все. Каждый образ был кристально ясен в его сознании. Ляньсун сказал, что она была лисичкой из прошлого. Было бы хорошо, если бы это была она. Но если это не так, ему все равно.

Слабые буддийские гимны звучали в воздухе. Послышались меланхоличные ноты флейты и снова смолкли. Он опустил взгляд, его глаза остановились на королеве Бийняо и ее распростертых ниц подданных. Он холодно произнес: «Что это за силовое поле?»

Все еще не придя в себя от удивления, почему Владыка лично явился сюда, они застыли в оцепенении, не в силах ответить. Мэн Шао, будучи другом Фэн Цзю, был очень обеспокоен ее заключением, поэтому, наконец, сложил руки вместе и ответил: «Владыка, это не силовое поле окружает принцессу Цзю'гэ. Это сон Аранья».

Когда слово «Аранья» покинуло уста Мэн Шао, те, кто распростерся на земле - все, кроме Цзи Хэн - заметно задрожали.

Мэн Шао пришлось пересказать эту историю, и вот как она звучала.

В древних преданиях Аранья была непревзойденной красавицей. Она умерла мучительной смертью и не смогла перевоплотиться. Ее душа превратилась в лабиринт грез и дрейфовала в Фаньинь Гу. Любой, кто попадет в ее сон, проникнется чувствами Аранья, которые она испытывала, будучи живой. Те, кто недостаточно силен, никогда не смогут сбежать. Вместо этого они будут спать вечным сном, пока их волшебная энергия полностью не истощится, и они не рассеются как дым.

Когда принцесса Цзю'гэ осталась внутри змеиной формации, она, должно быть, вошла в сон Аранья в тот миг, когда он проплыл мимо. Аранья была воспитана четырьмя питонами у этих столбов, когда была юной. Они, должно быть, подумали, что принцесса Цзю'гэ - это Аранья, и поэтому решительно боролись, чтобы защитить ее, удерживая посторонних от вторжения.

Помимо того, что потерянный внутри сна человек выходил сам, существовал более безопасный способ разбудить его: самый близкий человек мог войти в сон, чтобы вернуть его. Но в нынешней ситуации нужно сначала пройти змеиное формирование, чтобы войти в сон и вывести принцессу Цзю'гэ. Сражение с четырьмя питонами было сравнительно несложной частью задачи, но сон Аранья был всего лишь изменчивым образом. Он превращался в конкретную реальность только тогда, когда кто-то входил внутрь. Сейчас эта реальность приняла форму бледно-голубого силового поля. Мир сновидения был необычайно хрупким, а поле боя было неизбежно беспокойным. Если сон будет ненароком нарушен, принцесса Цзю'гэ могла серьезно пострадать или даже умереть.

Они рассматривали возможность послать кого-то с высоким уровнем развития, чтобы бороться

с животными и сохранить сон нетронутым. Но сон Араньи был чувствителен к сильным магам. Каждый, кто входил в этот сон, должен был оставить свою волшебную энергию в сотне метров за пределами поля сна. Только используя свое смертное тело, можно было плавно войти в него, иначе сон мог оборваться.

Но как можно было бросить вызов этим питонам, одновременно лишив себя магии? Сценарий был действительно дилеммой; никто не знал, что делать. С того момента, как они обнаружили, что принцесса Цзю'гэ в ловушке и до сих пор, никто не осмеливался действовать опрометчиво по этой причине. Перспективы принцессы Цзю'гэ казались скорее мрачными, чем хорошими.

Когда Ляньсун поспешно прибыл к источнику Цзею, он увидел, что Мэн Шао заканчивает свой рассказ, но расслышать ничего не успел. Он только видел, что как только Мэн Шао перестал говорить, все люди, расprostертые на земле, начали вытирать слезы. Хотя он не понимал, почему они плачут, было трогательно видеть так много людей, делающих одинаково грустный жест.

Когда он уже собирался сделать шаг вперед, Дун Хуа обернулся и увидел его первым.

Выражение лица Дун Хуа было совершенно нормальным. Казалось, он чувствовал себя вполне непринужденно. Янь Чиу всегда звал Дун Хуа Ледышкой, но из их многолетней дружбы Ляньсун знал, что выражение его лица никогда не останется таким, если Фэн Цзю будет в беде.

Он уже собирался поздороваться, когда Дун Хуа подошел к нему. Тем же бесстрастным голосом, каким он рассказывал ему о новых ароматах чая, он сказал: «Ты пришел вовремя. У меня есть к тебе две просьбы». Он сделал паузу, чтобы посмотреть на Фэн Цзю, которая крепко спала внутри змеиной формации. «Если она будет единственной, кто выживет, доставь ее в целостности и сохранности в Цинцю и передай в руки Бай И. Потом отыщи Мо Юаня с горы Куньлунь. Скажи ему, что Дун Хуа Дицзюнь оставляет Царство Хуэймин ему. Он поймет».

Это звучало как завещание. Ляньсун улыбнулся и посмотрел на силовое поле: «Прошло много лет с тех пор, как я сражался в битве, поэтому боюсь, что не буду так быстр, как раньше. Но если эти питоны захотят тебя задушить, им все равно придется нелегко...»

Он еще не закончил говорить, когда вдруг осекся. У Ляньсуна, который никогда не переставал улыбаться, даже когда гора Тай рушилась вниз, внезапно изменилось выражение лица. Он прыгнул и схватил Дун Хуа, который спокойно удалял свою волшебную энергию и беззаботно шагал в сторону питонов. Из воздуха появился Янь Чиу и остановил третьего принца. В его глазах была невиданная доселе задумчивость. Он тихо сказал: «Это единственный путь». Он бросил взгляд на строй питонов, где начали собираться гром и молния, а дождь лил как из ведра. «Я ломал голову одну ночь и полдня безрезультатно, потому что никогда не думал о том, чтобы удалить свою волшебную энергию и ворваться в змеиную формацию самостоятельно. Я недостаточно хороший друг. Праведность Ледышки подобна самому небу. Он заслужил мое уважение».

Два человека осмелились вторгнуться на территорию питонов в течение двух дней, заставив змей побагроветь от ярости. Их шипение было похоже на истошные вопли демонов. Острые, как лезвие, молнии были направлены на Дун Хуа. Без волшебной энергии, способной защитить его, тело Дун Хуа мгновенно покрылось ранами. Сочащаяся кровь быстро растворялась в дождевой воде. Королева и ее подданные с ужасом наблюдали за этой сценой, но, не зная, как помочь, застыли в шоке.

После того, как Сяо Янь оттащил его назад, Ляньсун кажется понял мотивы Дун Хуа. Он молча стоял рядом, не говоря ни слова. Он и Дун Хуа были старыми друзьями. По правде говоря, он не знал, насколько старше окажется Дун Хуа, если они сравнят свой возраст. Он родился уже после хаотичных военных времен, поэтому никогда не видел подвигов Дун Хуа своими глазами. Однако он слышал, как Мо Юань упоминал Дун Хуа в прошлом. Согласно древнему богу, только в доисторические времена существовали настоящие поля сражений. Если говорить об этих битвах, нельзя не упомянуть Дун Хуа Дицзюня. Каждый раз, когда он покидал поле боя, его тело было покрыто кровью, но лицо оставалось бесстрастным. Такая стойкость не имела себе равных. В строю питонов гром продолжал греметь безостановочно. Воротник и рукава белой мантии Дун Хуа были пропитаны красным и золотым. Чтобы не провоцировать питонов и не тревожить сон, в котором спала Фэн Цзю, Дицзюнь шагал не медленно и не быстро. Дождевая вода стекала по его манжетам малинового цвета. Владыка оставался непоколебим.

Внезапно, кто-то из коленапреклоненной толпы позади королевы поднялся на ноги и заковылял к Янь Чиу. Полностью одетая в белое, это была Цзи Хэн. Со слезами, струящимися по ее лицу, она потянула Сяо Яня за рукав и взмолилась: «Пожалуйста, спаси Дицзюня. Пожалуйста, верни его назад. Я сделаю все, что ты захочешь».

Сяо Янь, ничего не говоря, повернулся спиной к Цзи Хэн. Цзи Хэн держалась за его мантию, продолжая безутешно рыдать.

Фэн Цзю будто издалека слышала неясные звуки грохочущего грома и падающих капель дождя. С того момента, как она упала в эту пустоту, ей казалось, что она находится в каком-то неопределенном состоянии. Иногда она бодрствовала, иногда нет. Ее разум затуманился; каждый раз, просыпаясь, она забывала еще одну вещь. В последний раз, когда она пошевелилась, она не могла вспомнить, почему попала в этот мир. Останется ли она навечно в этом сне? Неужели, столько пережив, она не сможет вспомнить, кто она такая? Испытывая страх, она хотела покинуть это место, но каждый раз, выходя из транса, она чувствовала, что ее сознание уносится все дальше. Ее глаза были затуманены, конечности неподвижны. Более того, каждый раз, когда она открывала глаза, ее ждали лишь безмолвная темнота и пульсирующая боль.

Но на этот раз все было немного по-другому. Раскаты грома и шум дождя стали более отчетливыми, отдаваясь эхом в ее ушах. Чья-то рука коснулась ее головы - она была холодной - и двинулась вниз по щеке, затем убрала выбившиеся волосы за уши. Фэн Цзю подняла глаза и увидела мужчину с серебристыми волосами, одетого в пурпурную одежду.

В это время, в этом месте, если бы она не спала, то очень удивилась бы, увидев Дицзюня. Но ее разум был затуманен прямо сейчас. Когда это было, где это было, она понятия не имела. Была ли она юной Фэн Цзю или взрослой Фэн Цзю, она тоже не ведала. Но она, похоже, знала этого человека. Разве он не Дун Хуа? Затем она смутно осознала, что он был тем, кто ей нравился. Как чудесно, что он пришел ее искать! И все же она задала ему вопрос, противоречащий ее чувствам: «Что ты здесь делаешь?» Дун Хуа посмотрел на нее своими спокойными глазами, но ничего не ответил. Ее зрение постепенно прояснилось, и Фэн Цзю увидела, что все его тело было мокрым. «Ты, должно быть, замерз?» - удивленно произнесла она.

И снова Дун Хуа не ответил ей. Он только молча посмотрел на нее и притянул к себе. Наконец он спросил: «Ты очень напугана?»

Фэн Цзю на мгновение растерялась; она чувствовала себя неловко, и не знала, куда девать свои руки. Дицзюнь спросил, не испугалась ли она. Да, она была очень напугана. Она честно кивнула. Он пригладил ее растрепанные волосы и тихим голосом успокоил: «Теперь я здесь».

Неожиданно из глаз Фэн Цзю хлынули слезы. В голове у нее было пусто, но она чувствовала, как в сердце нарастает обида. Ее конечности, казалось, были в состоянии двигаться, и она рискнула положить руку на спину Дицзюня. Проглатывая слезы, она еле слышно прошептала: «Я думала, что должна подождать тебя. Вообще-то я была уверена, что ты не придешь, но ты пришёл. Ты не представляешь, как я счастлива». Она услышала, как Дицзюнь прошептал в ответ: «Я пришел за тобой».

Она смутно сознавала, что Владыка сегодня был особенно нежен. Как чудесно и так непохоже на обычного Дун Хуа. Но каким был обычный Дун Хуа, в этот момент она тоже не могла вспомнить. На нее навалилась тяжесть, когда сознание начало затуманиваться. Она уловила его последние слова и сказала: «Ты здесь, но я знаю, что ты снова уйдешь. Я помню, что всегда прикрываю тебе спину. Но сегодня мне очень хочется спать, я...»

Она чувствовала, что бормочет что-то себе под нос, но все стало расплываться перед глазами, а сознание стало спутанным. Объятия вокруг нее стали крепче, и прежде чем она провалилась в глубокий сон, она смогла расслышать его последние слова. Дицзюнь прошептал ей: «На этот раз я не уйду. Спи, Сяо Бай. Когда ты проснешься, мы будем дома».

Успокоенная, она снова впала в забытье. В ее ушах по-прежнему звучали неясные раскаты грома и шипение змей, но разум был спокоен, совершенно спокоен. Ей больше не было страшно, и вся боль исчезла, когда она оказалась в объятиях Дун Хуа.

- Конец Первого Тома -

<http://tl.rulate.ru/book/32932/737357>